ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 127 (3156) Вторник, 27 октября 1953 г. Цена 40 коп.

Работники литературы и искусства! Повышайте идейный и художественный уровень своего творчества! Создавайте произведения, достойные нашего великого народа!

(Из Призывов ЦК КПСС к 36-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции)

ПРИЗЫВЫ ЦК КПСС

к 36-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

1. Да здравствует 36-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!

2. Да здравствует международная солидарность трудящихся всех стран!

3. Братский привет всем народам, борющимся за мир, за демократию, за социализм!

4. Да здравствует мир между народами!

Нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных стран!

5. Трудящиеся всех стран! Крепите единство народов в борьбе за ослабление международной напряженности, за мир, против агрессивных сил, стремящихся развязать новую мировую войну! Умножайте и сплачивайте ряды сторонников мира!

6. Братский привет трудящимся стран народной демократии, успешно борющимся за дальнейший подъем народного хозяйства и повышение материального и культурного уровня жизни народа, за построение социалистического общества!

Да здравствует и крепнет нерушимая дружба и сотрудничество народно-демократических стран и Советского Союза!

7. Братский привет великому китайскому народу, успешно борющемуся за индустриализацию страны, за дальнейший подъем экономики и культуры, за всемерное укрепление своего народно-демократического государства!

Да здравствует и процветает нерушимая братская дружба и тесное сотрудничество Советского Союза и Китайской Народной Республики на благо народов наших стран и упрочение мира и международной безопасности!

8. Братский привет героическому корейскому народу, отстоявшему свою родную землю от интервентов, борющемуся за восстановление народного хозяйства, за мир, за национальное единство!

9. Привет демократическим силам Германии, борющимся против преступных планов превращения Западной Германии в очаг третьей мировой войны!

Да здравствует Германская Демократическая Республика — надежный оплот борьбы за единую независимую миролюбивую демократическую Германию!

10. Привет японскому народу, мужественно борющемуся за национальную независимость, за мирное и демократическое развитие своей родины, против превращения Японии в военный плацдарм империалистов!

11. Братский привет народам колониальных и зависимых стран, борющимся против империалистического гнета, за свою свободу и национальную независимость!

12. Да здравствует дружба народов Англии, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза в их борьбе за предотвращение войны и обеспечение прочного мира во всем мире!

13. Да здравствует дружба между народами Советского Союза и народами Франции и Италии!

14. Да здравствует внешняя политика Советского Союза — незыблемая политика сохранения и упрочения мира, борьбы против подготовки и развязывания новой войны, политика международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами!

15. Советские воины! Настойчиво повышайте свои военные и политические знания, совершенствуйте свое боевое мастерство! Неустанно крепите оборонную мощь социалистического государства!

Слава Советским Вооруженным Силам, стоящим на страже мира и безопасности нашей Родины!

16. Трудящиеся Советского Союза! Еще теснее сплотимся вокруг Коммунистической партии и Советского Правительства, мобилизуем наши силы и творческую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране!

Да здравствует нерушимое единение Коммунистической партии, Советского Правительства и народа!

17. Трудящиеся Советского Союза! Укрепляйте нерушимый союз рабочего класса и колхозного крестьянства, братскую дружбу между народами нашей страны! Неустанно крепите единство великого Советского многонационального государства, укрепляйте могущество нашей социалистической Родины!

18. Трудящиеся Советского Союза! Обеспечим претворение в жизнь политики Партии и Правительства, направленной на решительное повышение уровня жизни рабочего класса, колхозного крестьянства, всего нашего народа! Добьемся крутого подъема производства товаров народного потребления!

19. Трудящиеся Советского Союза! Добивайтесь новых успехов в социалистическом соревновании за выполнение и перевыполнение пятого пятилетнего плана! Шире внедряйте в производство достижения науки, техники и передового опыта! Боритесь за новый мощный подъем народного хозяйства СССР!

20. Трудящиеся Советского Союза! Неустанно повышайте производительность труда! Добивайтесь полного использования всех возможностей и резервов социалистического хозяйства! Улучшайте качество и снижайте себестоимость продукции!

21. Рабочие и работницы, инженеры и техники угольной промышленности! Увеличивайте добычу угля, быстрее стройте и вводите в действие новые шахты! Боритесь за неуклонный рост производительности труда, улучшайте использование техники, снижайте себестоимость угля! Больше угля народному хозяйству!

22. Рабочие и работницы, инженеры и техники нефтяной промышленности! Быстрее осваивайте новые месторождения нефти и стройте нефтеперерабатывающие заводы, повышайте темпы бурения нефтяных скважин! Больше нефти и нефтепродуктов высокого качества!

23. Рабочие и работницы, инженеры и техники электростанций и электропромышленности! Быстрее вводите в строй новые энергетические мощности! Увеличивайте производство электроэнергии, электротехнического и радиотехнического оборудования, а также товаров культурно-бытового назначения для населения!

24. Советские металлурги! Улучшайте использование мощностей металлургических и горно-рудных предприятий, развивайте механизацию и автоматизацию производственных процессов! Дадим стране больше чугуна, стали, проката, цветных металлов!

25. Рабочие и работницы, инженеры и техники предприятий машиностроения! Увеличивайте производство новых машин, приборов и оборудования для всех отраслей народного хозяйства! Боритесь за оснащение сельского хозяйства высокопроизводительными машинами и орудиями! Больше тракторов, машин и запасных частей для сельского хозяйства!

26. Работники химической промышленности! Быстрее увеличивайте мощности предприятий! Обеспечим непрерывный рост производства минеральных удобрений, высококачественных красителей и других химических продуктов для удовлетворения возрастающих потребностей нашей страны!

27. Рабочие и работницы, инженеры и техники—строители! Быстрее стройте новые предприятия, жилища, школы и больницы! Шире внедряйте индустриальные методы строительства, лучше используйте механизмы! Снижайте стоимость и улучшайте качество строительства!

28. Рабочие и работницы, инженеры и техники промышленности строительных материалов! Всемерно развивайте производство строительных материалов, улучшайте их качество!

29. Рабочие и работницы, инженеры и техники лесной и бумажной промышленности! Повышайте производительность труда, полностью используйте механизмы! Всемерно улучшайте качество продукции, снижайте ее себестоимость! Больше лесных материалов, бумаги и мебели!

30. Работники промышленности, производящей товары широкого потребления! Больше добротных и красивых тканей, добротной и нарядной одежды, прочной и изящной обуви и других товаров высокого качества! Обеспечим крутой подъем производства товаров широкого потребления!

31. Работники промышленности продовольственных товаров! Всемерно расширяйте производство продовольственных товаров, неустанно улучшайте их качество! Больше мясных и рыбных продуктов, масла, сахара и других продовольственных товаров для населения нашей страны!

32. Работники сельского хозяйства! Боритесь за новый мощный подъем всех отраслей социалистического сельского хозяйства с тем, чтобы в ближайшие два — три года в достатке удовлетворить растущие потребности населения нашей страны в продовольственных продуктах и обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность!

33. Колхозники и колхозницы! Добивайтесь дальнейшего подъема и процветания всех колхозов страны! Боритесь за укрепление и всестороннее развитие общественного хозяйства, за увеличение валовой и товарной продукции земледелия и животноводства! Активнее внедряйте в колхозное производство достижения науки и передового опыта! Обеспечим рост доходов колхозов и повышение благосостояния колхозного крестьянства!

34. Работники сельского хозяйства! Всемерно развивайте общественное животноводство, добивайтесь высоких темпов роста поголовья скота, решительно повышайте его продуктивность! Боритесь за создание прочной кормовой базы, быстрее развертывайте строительство животноводческих помещений!

35. Работники машинно-тракторных станций и совхозов! Добивайтесь лучшего освоения и полного использования тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин! Боритесь за всемерное повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур, за рост общественного поголовья скота, за увеличение продукции земледелия и животноводства в колхозах и совхозах!

36. Колхозники и колхозницы, работники МТС и совхозов! Обеспечивайте быстрый рост производства картофеля и овощей! Добивайтесь значительного повышения урожайности этих культур, широко внедряйте механизацию и передовые агрономические методы выращивания овощей и картофеля!

37. Работники местной промышленности и промысловой кооперации! Увеличивайте производство товаров широкого потребления и повышайте их качество! Всемерно расширяйте сеть предприятий бытового обслуживания населения!

38. Работники государственной и кооперативной торговли! Всемерно развертывайте советскую торговлю, улучшайте торговлю продовольственными и промышленными товарами в городе и деревне, расширяйте сеть магазинов и предприятий общественного питания! Выполняйте и перевыполняйте план товарооборота! Культурно обслуживайте советского потребителя!

39. Работники железнодорожного транспорта! Боритесь за увеличение пропускной способности железных дорог! Улучшайте использование подвижного состава и снижайте себестоимость перевозок! Лучше обслуживайте пассажиров! Обеспечивайте четкую работу транспорта в зимних условиях!

40. Работники морского и речного флота! Быстрее доставляйте грузы для народного хозяйства! Увеличивайте объем перевозок, ускоряйте оборот судов, улучшайте работу портов, пристаней и судоремонтных заводов! Неуклонно снижайте себестоимость перевозок! Образцово готовьтесь к навигации 1954 года!

41. Работники автомобильного транспорта и шоссейных дорог! Обеспечивайте бесперебойную перевозку грузов для народного хозяйства и товаров для населения, улучшайте перевозку пассажиров! Лучше используйте автомобильный транспорт, обеспечьте содержание шоссейных дорог в образцовом порядке!

42. Работники связи! Развивайте и совершенствуйте средства связи! Повышайте качество работы почты, телеграфа, телефона, радио! Улучшайте обслуживание населения!

43. Работники советских учреждений! Неустанно повышайте ответственность и культуру в работе государственного аппарата! Укрепляйте государственную дисциплину, строго соблюдайте социалистическую законность, чутко относитесь к запросам трудящихся!

44. Работники научных учреждений и высшей школы! Двигайте вперед советскую науку! Смелее развертывайте критику недостатков в научной работе! Повышайте роль науки в дальнейшем развитии промышленности и сельского хозяйства, расширяйте и улучшайте подготовку специалистов!

45. Работники литературы и искусства! Повышайте идейный и художественный уровень своего творчества! Создавайте произведения, достойные нашего великого народа!

46. Работники народного просвещения! Повышайте качество учебно-воспитательной работы в школе! Воспитывайте культурных, образованных граждан социалистического общества, активных строителей коммунизма!

47. Медицинские работники! Улучшайте и развивайте дело здравоохранения, повышайте культуру в работе лечебных и санитарных учреждений! Внедряйте в практику достижения медицинской науки!

48. Советские профсоюзы! Шире развертывайте социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение народнохозяйственных планов! Распространяйте опыт новаторов производства! Проявляйте неустанную заботу о дальнейшем повышении материального благосостояния и культурного уровня рабочих и служащих!

Да здравствуют советские профсоюзы — школа коммунизма!

49. Советские женщины! Боритесь за дальнейший расцвет экономики и культуры нашей великой социалистической Родины!

Да здравствуют советские женщины — активные строители коммунизма!

50. Да здравствует Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи — передовой отряд молодых строителей коммунизма, активный помощник и резерв Коммунистической партии Советского Союза!

51. Советские юноши и девушки! Овладевайте наукой, техникой и культурой! Своим самоотверженным трудом укрепляйте могущество нашей Родины! Будьте стойкими и смелыми в борьбе за победу великого дела построения коммунизма в нашей стране!

52. Пионеры и школьники! Упорно и настойчиво овладевайте знаниями! Добивайтесь успехов в учении, труде и общественной работе!

53. Коммунисты и комсомольцы! Будьте в первых рядах борцов за выполнение и перевыполнение пятого пятилетнего плана, за дальнейший подъем благосостояния советского народа, за построение коммунизма в СССР!

54. Да здравствует великий Союз Советских Социалистических Республик — твердыня дружбы и славы народов нашей страны, несокрушимый оплот мира во всем мире!

55. Да здравствует великий советский народ — строитель коммунизма!

56. Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза, великая направляющая и руководящая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма!

57. Под знаменем Ленина — Сталина, под руководством Коммунистической партии — вперед, к торжеству коммунизма!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

К ВЕРШИНЕ!

Анатолий ЗЛОБИН

Самойлов долго поднимался к вершине Могутовой горы по скользкой тропинке, усыпанной прошлогодними ржавыми листьями. Слегка моросило. Мелкие, почти невидимые капли однообразно шелестели по плащу, мокрые ветви цеплялись за руки, лезли в лицо. Самойлов уже жалел, что предпринял столь необдуманную туристскую вылазку. Однако еще дома, на Урале, она была намечена в программе командировки, и это обязывало его теперь упрямо лезть вверх по крутой извилистой тропе.

Весь свой командировочный срок Самойлов провел в котловане, возясь с иглофильтрами, и по сути не видел Волги. Впрочем, она все время давала знать о себе и там, на тридцатиметровой глубине. Она сердито ворчала за рыжей шпунтовой стеной, ограждавшей гигантский котлован, упрямо сопротивляясь строителям, пыталась прорваться внутрь. Напрасный труд. Мутные желтые струйки воды — вот все, что оставалось от строптивой реки. Но даже эти струйки могли причинить немало бед, если ослабить наблюдение за ними. С бригадой рабочих Самойлов целыми днями лазил по котловану, пронзая его дно тонкими жалами иглофильтров и устанавливая насосы глубинного водоотлива. Набежав на них, вода окончательно покорялась человеку и, закованная в трубы, выливалась обратно в реку.

Самойлов в общем был доволен результатами испытаний нового иглофильтра. Гидростроевцы могут быть спокойны: на дне котлована создается, как говорят, «паркетный пол».

...Наконец кустарник начал редеть, тропинка вильнула последний раз в сторону, и Самойлов вышел на площадку. По плоской вершине проходила широкая накатанная дорога, сбегающая по спирали вниз. Стоило продираться сквозь чащу на такую высь, можно было подняться по дороге или, чего проще, приехать на машине! Он еще раз поглядел на пустынную дорогу и недовольно откинул капюшон.

Вот она, великая Волга! Внизу разлилась широкая полоса свинцовой воды. Было так высоко, что ровная водяная гладь отсюда казалась застывшей, словно река окаменела. Серый отпечаток дождя лежал на всем...

Самойлов был разочарован. Река, как река, каких немало он видел на своем веку. Он попытался настроить себя на торжественный лад. Волга-матушка! Обитель русской вольницы, колыбель Стеньки Разина. Сколько песен о ней сложено, скольких поэтов вдохновляла она!..

Самойлов перевел взгляд на котлован, подкова которого, как бы выходя из подножья гор, подступала к середине реки. Сверху котлован был похож на исполинский кратер действующего вулкана, где все дымилось, бурлило и рокотало. Самойлов провел в котловане дней десять, но каждый раз он видел какие-то отдельные детали гигантской работы. Теперь он, узнавая одну за другой знакомые детали, охватил сразу все, и напряженная, полная звуков и движений картина труда захватила его.

Он достал папиросу и закурил. Ветер решительно растаскивал лохматые облака в стороны. Прорвавшись вниз, ослепительный солнечный луч вдруг легко пронзил висевшее над котлованом марево, упал на дно его яркозолотым пятном, и оно тотчас засверкало на мокрых плитах светлого бетона, заиграло, забегало по крышам машин.

Самойлов услышал быстро нарастающий грохот и удивленно обернулся. Вырвавшись из-за леска, на него стремительно надвигались огромные двадцатипятитонные самосвалы. Они с ревом промчались по дороге, раскидывая в стороны комья мокрой земли. Один, второй, третий...

Увидев в высоких кузовах горы белого камня, Самойлов догадался, что машины идут с карьера. А самосвалы шли и шли почти впритирку, мелькали сосредоточенные лица водителей, за гигантскими мчались пятитонные, тоже очень большие.

И котлован как бы вырос и расширился в глазах Самойлова, наступая все дальше на реку. Четвертый год идет великая стройка. Строители вынули шесть миллионов кубометров земли, обнажили древние пласты Жигулей и начали класть шестиметровую плиту бетона — фундамент будущей ГЭС.

На стройке началась горячая пора Большого бетона. Четкая колоннада башен бетонных заводов высилась на краю котлована, туда мчались машины с камнем, оттуда бежали машины с бетоном, и серая глыбина бетона разрасталась с каждым днем все шире.

Берега свяжет серая громада бетонной плотины. Могучая река упрется в нее, удивленная, замрет перед ней — и разбежится необъятным морем по отмелям и лугам, подступит к самому косогору, что синеет на горизонте...

Около двух миллионов киловатт энергии произведет могучая река, поднявшаяся на десятки метров у подножья Могутовой горы. Казалось бы, что такое один киловатт? Мгновенная голубая искра?

Нет, один киловатт может заменить мускульную силу десятков человек, может поднять две тонны груза на такую гору, как Могутовая.

С помощью энергии одного киловатта можно сшить две пары обуви, выткать десять метров ткани, сварить и расфасовать сорок два килограмма сахара, выпечь почти девяносто килограммов хлеба.

Чтобы вспахать один гектар земли электротрактором, нужно всего сорок киловатт-часов.

Одного киловатта достаточно, чтобы прокатать пятьдесят килограммов стали.

А сколько стоит один киловатт? Несколько копеек. Отсюда — дешевизна или, говоря иначе, низкая себестоимость всего произведенного с помощью электричества богатства.

Пятая сессия Верховного Совета СССР, постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС поставили перед страной новые большие задачи по развитию промышленности и сельского хозяйства.

Такая стройка, как Куйбышевская, будет способствовать решению многих из этих задач. Вот она скоро поднимется в бетоне, эта мощная энергетическая база!

Зародившись у подножья Могутовой горы, поток энергии великой реки пересечет почти половину России, дойдет до Москвы. Он сольется в единое кольцо с энергией, которую советские люди заберут у Волги под Сталинградом.

На берегах нового моря встанут новые селения и города. Рыба заплещется в его водах. Будет больше мяса и масла, сахара и одежды, посуды и мебели — всего, что нужно советскому человеку.

Пасмурный день уже не казался Самойлову таким пасмурным. Он подумал, что есть прямая связь между тем, что творится сейчас на Волге, и тем, как великий Ленин еще у колыбели нашего государства мечтал об изобилии электричества в стране.

Прошло, видно, не больше часа, как Самойлов поднялся на вершину горы. Казалось, внизу ничего не изменилось, осталось таким же, каким было час назад.

Но это было не так — за час были уложены сотни кубометров бетона, вывезены тысячи кубометров земли, откачаны тысячи литров воды — стройка продолжалась.

Самойлов хотел было остановить самосвал, чтобы со звонким ветерком скатиться вниз, но потом махнул рукой, перекинул через руку плащ и зашагал по широкой дороге, насвистывая незатейливый маршевый мотив. Нет, он не жалел о том, что заставил себя взбираться на эту высоченную гору, с которой так полно и ясно раскрывались дали завтрашнего дня.

В селе Терпенье (Мелитопольский район, Запорожской области), где расположен колхоз имени Сталина, построен Дом культуры. В нем имеются зрительный зал на 500 мест, фойе, библиотека.

На снимке: у Дома культуры колхоза имени Сталина. Фото А. Красовского

В честь Великого Октября

Вдохновенно трудятся в эти дни советские люди. Участники предоктябрьского социалистического соревнования ускоряют темпы выполнения своих планов, умножая богатства страны. Потоком идут с Урала — на заводы, фабрики, на село — машины, сделанные в укороченные сроки и сверх плана. Коллектив Уральского завода транспортного машиностроения отгружает сейчас в два раза больше деталей для тракторов и сельскохозяйственных машин, чем в первом полугодии. Досрочно выполнили десятимесячную программу горняки треста «Кемеровуголь». По сжатому графику ведут сборку новой турбины мощностью в 100 тысяч киловатт рабочие, мастера и инженеры металлического завода имени Сталина (Ленинград). Идет сверхплановая руда из Кривого Рога. Сдают сверх плана одежду и обувь харьковские фабрики. Во множестве городов предстоят праздничные новоселья!

В ХОЗЯЙСКИХ РУКАХ

Несколько дней назад неподалеку от Ташкента на опытных полях Государственной среднеазиатской машиноиспытательной станции мы видели новую самоходную двухрядную хлопкоуборочную машину «СХС-1,4». Новый агрегат может работать в любую погоду и собирать сильно увлажненный хлопок.

Водителя этой машины комсомольца Джура Ильяева знают сегодня во всех уголках республики. В совершенстве овладев техникой, он собрал своим агрегатом 40 тысяч килограммов хлопка, а сейчас, став на предоктябрьскую трудовую вахту, обязался до конца сезона дать 80 тысяч килограммов сырца. У молодого водителя много последователей в республике.

Не смолкает рокот хлопкоуборочных кораблей на полях Узбекистана. Растут горы «белого золота» на заготовительных пунктах, а от платформ хлопкоочистительных заводов отправляются новые и новые эшелоны, груженные высококачественным волокном. Хлопок, выращенный узбекскими колхозниками, попадает в хозяйские руки. Ташкентские текстильщики комбината имени Сталина за девять месяцев выработали сверх плана свыше полутора миллионов метров готовых и около двух миллионов метров суровых тканей. Взяв новое трудовое обязательство в честь 36-й годовщины Великого Октября, коллектив комбината решил дать Родине сверх плана еще на 32 миллиона рублей тканей.

На днях пришлось нам побывать на крупнейшей в Узбекистане ташкентской швейной фабрике «Красная заря». Много инициативы и выдумки проявляют швейники, чтобы лучше использовать получаемые ткани, изготовить из них как можно больше красивой и добротной одежды. Фабрика освоила более пятидесяти новых фасонов одежды, значительно увеличила производство шерстяных пальто и костюмов. Став на предоктябрьскую вахту, швейники выпускают к празднику сверхплановые изделия из лучших тканей на сотни тысяч рублей.

Пламя предоктябрьского соревнования разгорается все ярче и ярче.

ТАШКЕНТ. (Наш корр.)

ПЕРЕД ПРАЗДНИЧНЫМИ КОНЦЕРТАМИ

Во Дворце культуры Сталинградского тракторного завода идет очередная репетиция праздничного концерта. В нем участвуют восемь кружков художественной самодеятельности, объединяющих около 350 певцов, музыкантов, танцоров, декламаторов.

Готовится большая и интересная программа. Духовой оркестр исполнит отрывки из произведений Глинки и Чайковского, драматический коллектив покажет пьесу О. Васильева «Земной рай», детский балетный кружок выступит с массовыми плясками. Наиболее интересная часть программы — вокальные номера. В репертуаре кладовщицы чугунолитейного цеха Тамары Бородиной — русская народная песня, технолог Юлия Медведева готовит романс Даргомыжского, лаборант Виктор Лукашевич и управляющая домом Прасковья Цыганкова — дуэт Карася и Одарки из оперы «Запорожец за Дунаем».

Незадолго до репетиции во Дворец пришли токарь Валентин Марченко и слесарь Виктор Дмитриев. Балетмейстер организовал просмотр. Русский перепляс в их исполнении включен в программу праздничного концерта.

Исполнительское мастерство коллективов художественной самодеятельности тракторозаводцев по праву пользуется огромным успехом у зрителей. Участники самодеятельности — желанные гости на строительстве Сталинградской гидроэлектростанции, в колхозах, машинно-тракторных станциях. Их концерты транслировались по радио для стран народной демократии.

— Мы получили много приглашений из колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций области приехать к ним на праздник,— сообщил нам художественный руководитель В. Бондаренко. — В праздничные дни мы дадим около шестидесяти концертов и спектаклей.

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.).

РАЙОННАЯ МЕЛЬНИЦА

Андрей БЕЛЯНИЧЕВ

Нынешняя осень для калужского колхозника отличается своим богатством: урожай зерновых был хорош, на огородах — обилие овощей, картофеля собрано намного больше, чем в прошлом году. Выданы авансы на трудодень. Во многих колхозах выдали авансом на трудодень по килограмму и больше зерна.

Нужны мельницы!

Несколько лет назад, после фашистского нашествия, в деревнях Калужской области говорили, что «дороги к мельницам заросли травой». Ныне эти дороги будут одними из самых оживленных. Особенно оживятся многочисленные дороги из колхозов к районным мельницам, отвечающим сегодняшним требованиям колхозников. По этому поводу мы слышали много интересных разговоров. В Тарусском районе, в колхозе имени Калинина, в доме председателя Дмитрия Павловича Шустрова собрались однажды вечером колхозники. Они обратились к председателю с просьбой выделять ежедневно две-три подводы для поездки на мельницу.

— Нынче зерна немало в каждом доме, — говорили они.

На другой день правление удовлетворило просьбу колхозников.

В другом месте, в колхозе имени Орджоникидзе, Козельского района, колхозники обратились к правлению с просьбой помочь им произвести сортовой помол.

Следует сказать, что три с половиной десятка лет назад ни один крестьянин села Дешевки, где расположен ныне колхоз имени Орджоникидзе, не мог мечтать не только о белом хлебе, но и черный ел не вволю. Чтобы кое-как прокормить семью, крестьянин уходил на сторону. Село потому так и называется, что из года в год, из десятилетия в десятилетие поставляло в города дешевую рабочую силу.

Мечта хлебороба о своем, а не «покупном» белом хлебе ныне сбывается. На земле, где пшеница раньше почти не давала урожаев, сегодня колхозники говорят, что «хата их красна не только углами, но и пирогами».

От тех, кто побывал на мельницах, мы слышали разочарованные высказывания, вроде того, что, мол, хорошую булку опять придется покупать в городе.

— Почему?

— Поезжайте на любую мельницу, сами поймете, почему...

Мы так и сделали. Но, прежде чем отправиться на мельницы, заглянули в Калужский облмельтрест, которому подчинены все районные мельницы. В кабинете главного инженера Николая Константиновича Богатова мы увидели карту области, а на ней кружочки — места расположения мельниц. Таких кружочков было 35.

При внимательном рассмотрении карты мы обнаружили, что кружочки рассыпаны в беспорядке — где густо, где пусто. Красноречивое отсутствие их было заметно в квадратах Перемышльского, Бабынинского и некоторых других районов. Между тем, как раз эти районы и являются крупнейшими производителями зерна.

— Мельниц-то у нас хватает,— сказал инженер и добавил: — Знаете, наш трест по выполнению плана на первом месте в Российской Федерации... Беда в том, что в одном районе мельниц две, а то и три, а в другом — ни одной. Вот, например, в Мосальском районе колхозники до сих пор возят на помол зерно за сорок километров, а мы никак не можем построить там мельницу, хотя уже давно завезли туда оборудование. Очень медленно строим вальцовые мельницы в городе Кирове и в селе Черкасово Ферзиковского района. «Росглавмукомол» невнимательно относится к нашему тресту.

Главный инженер помолчал.

— Откровенно говоря, мне многое не нравится в организации дела.

— Что именно?

Ответа не последовало.

***

Говоря языком главного инженера треста, нам тоже многое не понравилось в самом тресте и особенно на мельницах. Нам не понравилось, что трест, живя по старинке, робко смотрит в завтрашний день. Руководители треста (управляющий тов. Егорушкин) гордятся тем, что успешно выполняют план, но не задумываются, что план занижен и что правы работники мельниц, которые, говоря о годовом производственном задании, называют его «трехсотграммовым», т. е. рассчитанным на то, что местные колхозники будут получать по триста граммов зерна на трудодень.

— А если калужский колхозник получит по 2—3 килограмма зерна на трудодень, как тогда? — задали мы вопрос главному инженеру в другой раз.

— Не справимся,— коротко ответил он.

Быстрое повышение роста доходности колхозников,— а в данном случае реальная возможность высокой натуральной оплаты трудодня зерном — ставит перед мельничным хозяйством Калужской (да и только ли Калужской!) области ответственные, не терпящие отлагательств, задачи, которые решать только на месте своими силами невозможно. Требуется помощь со стороны Министерства промышленности продовольственных товаров, в частности, Главного управления мукомольной промышленности «Росглавмукомол».

Что представляют собой в большинстве своем мельницы Калужской области? Это маломощные предприятия с допотопной техникой. К тому же многие из них полуразрушены. Пришли в полную негодность Березинская, Глуховская, Истоминская мельницы. На половину своей мощности работают Богдановская мельница в Дзержинском районе и Ивановская — в Мещовском.

Инженер треста Василий Андреевич Лучин, который побывал на всех мельницах, откровенно признается, что нет ни одной исправной, исключая, разве, двух вальцовых.

— Хозяйство наше держится на сгнивших подпорках,— образно выражается он. — Мельницы все у нас старые, строились пятьдесят, сто лет тому назад.

Калужская область — край бесчисленных речек и рек. На реках здесь издавна строились многочисленные водяные мельницы. Когда-то их насчитывалось несколько сот. Теперь остались десятки. А жаль! Водяная мельница более проста в эксплуатации, содержание ее обходится очень дешево. И вот с некоторых пор, как ни странно, водяная мельница перестала интересовать местные власти. Рядом с новыми зданиями колхозных гидростанций часто можно увидеть полуразвалившееся деревянное строение с замшелой да к тому же еще дырявой крышей. Эта водяная мельница — красноречивый укор тем, кто, создавая новые предприятия, забыл о том, что и старые, при внимании к ним, могли бы принести немалую пользу.

— Были бы материал и средства,— говорит управляющий трестом Илья Петрович Егорушкин,— мы бы в два-три года восстановили все мельницы и повысили их производительность в несколько раз. Начинать это дело надо уже теперь!

Что и говорить, слова справедливые.

***

Сегодня колхозник, в чью жизнь входит довольство и богатство, обижен на работников мельниц не только за то, что приходится далеко возить на помол зерно, долго стоять в очереди, пока сдашь зерно, и еще долго ждать готовую продукцию, — колхозник в глубокой обиде сегодня и на качество помола.

Чтобы удовлетворить требования к качеству помола, нужно капитально переоборудовать мельницы: сменить жернова на вальцовые станки, установить просевательные и зерноочистительные машины.

Требования сельского населения к мукомольной промышленности растут, и они должны быть удовлетворены.

КАЛУГА

Малявочка

ИЗ ДЕРЕВЕНСКИХ ВСТРЕЧ

Ефим ДОРОШ

Представьте себе человека лет тридцати трех, среднего роста, отличного, видать, здоровья — такого, о котором обычно говорят: аккуратный, плотный... Лицо у него круглое, розовое, с небольшими приветливыми глазами в белесых ресницах. Одет он в обыкновенный пиджачный костюм, из тех, какие изготовляются всякого рода швейпромами и в выборе которых ни вкус, ни характер проявить себя не могут. Но зато во всем остальном, что относится к его одежде, легко угадать личность положительную, склонную ко всему основательному, солидному. Галстук, например, прикреплен к его сорочке специальным зажимом, а рукава ее, чтобы манжеты прежде времени не обтерхались, подтянуты круглыми резинками; брюки поддерживаются не только ремнем, но еще и помочами; на ногах, поверх туфель, суконные гетры...

Открывает ли он ящик письменного стола, чтобы достать завернутый в газету завтрак, перелистывает ли документы, подшитые суровой ниткой к картонной папке, пишет ли он что-нибудь, нажимая пером в тех местах, где положено, и едва касаясь им бумаги там, где по правилам линия должна быть тонкой, с волосок,— все это он делает не торопясь, с достоинством, с той, я бы сказал, профессиональной точностью, какая вырабатывается долголетней привычкой.

Да так оно, собственно, и есть. Валентин Иваныч Малявочка сидит за своим столом, не ошибиться бы, лет десять, с тех пор, когда еще юношей, только что окончив техникум, приехал в Красильниково и был зачислен в районный отдел сельского хозяйства.

Впрочем, о том, что он работает именно в этом отделе, я узнал сравнительно недавно. Мало ли людей, — молодых, пожилых и старых, точнее, состарившихся на моих глазах, — пишут какие-то бумажки в большой грязноватой комнате райисполкома с четырьмя окнами на улицу. Эту комнату в шутку называют сборной командой, потому что здесь стоят столы чуть ли не десятка сотрудников различных исполкомовских отделов: и райвоенхоза, и отдела колхозного строительства, и культурно-просветительного, и сельскохозяйственного... С иными из людей, сидящих за этими столами, я встречался во время своих поездок по колхозам района.

Помнится, ранней весной, когда еще только таял снег, приехал я в колхоз, и утром, придя в правление, среди бригадиров и заведующих фермами, среди разного рода «представителей» и «уполномоченных», которые обступили председателя, встретил знакомого мне человека из названной комнаты. Должно быть, он жил здесь давно, потому что, хотя солнце уже припекало изрядно, все еще ходил в толстом драповом пальто и в заячьей ушанке. Он попросил у председателя лошадь, взгромоздился на нее, долго ловил заляпанным грязью сапогом короткое стремя, наконец, после того, как ему помог конюх, половчее прижал локтем портфель и уехал в степь. Это повторялось каждое утро, и однажды, когда председатель где-то задержался и мы сидели на завалинке возле правления, наблюдая, как на рыжей от навоза земле, вздыбив перья, дрались белые, со сбитыми гребешками петухи, я спросил моего знакомого, не столько из любопытства, сколько из вежливости: «Что у вас там в степи?.. Зачем вы ездите?». «Так ведь паводок, — ответил он. — А у них тут пять ставков. Ну-ка вдруг плотину сорвет!». Меня заинтересовало, что же он станет делать в таком случае, и он удивился моему невежеству: «Как что!.. Акт составлю!»

В другой раз, уже летом, в жатву, повстречался я еще с двумя товарищами из большой, пропахшей чернилами комнаты райисполкома. Один из них проверял, как подготовились хаты-читальни к уборочной, а другой выступал с лекцией «Сон и сновидения».

В читальнях были выставлены на фанерных щитах тощенькие брошюрки, вероятно, очень полезные, но их никто не брал, потому что люди заняты были в степи. Если бы не это обстоятельство, нашелся бы, конечно, какой-нибудь любознательный дедусь, которому интересно было бы прочитать и про суходольный рис, и про хлопок, поскольку в здешних местах они не растут.

На лекцию приходили одни лишь ребятишки, изгоняемые клубным сторожем, фельдшер, продавщица сельпо, девчата с почты да еще две-три учительницы, считавшие необходимым оказать внимание представителю районного центра. Правда, в одном из колхозов на лекцию забрел бригадир полеводческой бригады, посидел, послушал угрюмо, затем вышел, проговорив: «Извиняйте». Слышно было, как на улице он кому-то сказал: «Та... одни балачки. У бабы Явдохи, когда ей приснится чего, получается интереснее». Потом, озабоченно ругнувшись, не то спросил, не то подумал вслух: «И почему это на том комбайне очистка капризничает?»

Из клуба мы возвращались с лектором вместе, и он суетливо, называя себя степняком, привыкшим к любым условиям, не то что столичные лекторы, рассказывал, насколько выполнен план обслуживания уборочной. Он был маленький, толстый, должно быть, плохо видел в темноте и то и дело спотыкался об окаменевшую за лето грязь на дороге.

А с Валентином Иванычем Малявочкой мы встречались обычно в Красильникове, особенно в так называемое междупарье, когда все уже посеяно, а до покоса остается еще недели три. В ту пору я возвращался из колхозов, и если мне случалось, например, поутру забрести на базар, я почти всегда находил здесь Валентина Иваныча. Он сосредоточенно ощупывал прошлогодний кочан капусты, желтоватый и дряблый после зимы, рылся в ворохе молодых бурячков, выбирая пучок побольше, несколько брезгливо нюхал сало, пробовал с ладони сметану и долго, шевеля губами, стоял, задумавшись, стараясь понять: не горчит ли? «Вот, борщ собираюсь построить», — объяснял он мне, и в связи с этим принимался рассуждать на свою любимую тему о превосходстве, как он выражался, мужского персонала над женским персоналом, имея в виду не штаты какого-либо учреждения, а мужчин и женщин вообще. Кроме Валентина Иваныча, в Красильникове, пожалуй, только директор плодоовощного комбината Петр Петрович Шовкопляс прибегал так часто к такого рода словечкам. Но если Петр Петрович, ничего не читавший, разве что одни лишь циркуляры и справочники, в простоте душевной полагал, что иных слов и не существует, то Валентин Иваныч, будучи человеком довольно начитанным, изъяснялся подобным образом исключительно ради солидности. Жалуясь, к примеру, на свою бывшую жену, которая будто бы написала на него какое-то заявление, он говорил: «Моя разведенная супруга сочинила про меня версию».

С женой Валентин Иваныч развелся года три назад, считая женитьбу на железнодорожной проводнице ошибкой молодости. Он жил один, в узкой каморке, которую выгородил себе из общей комнаты, с отдельным ходом через сарай, где у него был устроен душ. Когда я как-то зашел к нему, он рассказал, что душ принимает ежедневно, даже зимой, для чего специально греет на керосинке воду, но голову моет с мылом только раз в неделю, иначе волосы выпадут. Тогда же он показал мне и свою комнату, причем, подведя к кровати, счел необходимым пояснить: «Здесь я отдыхаю». О письменном столе Валентин Иваныч сказал: «Здесь я повышаю свой идейно-теоретический уровень». Заметив, что я обратил внимание на фотографию молодой женщины, висевшую над столом, он с достоинством сообщил: «Это моя знакомая, с которой я состою в переписке, поскольку она живет в отдаленном от меня районе». На женщине был венок из искусственных цветов с длинными лентами, переброшенными через плечо, а вокруг, образуя овальную рамку, белела выцарапанная на негативе надпись: «Если встретиться нам не придется, значит, наша такая судьба. Пусть навеки с тобой остается неподвижная личность моя». Я попросил разрешения записать эти строчки, и Валентин Иваныч не только не возражал, но даже дважды прочитал их вслух, опасаясь, как бы я не допустил ошибки.

Должен сказать, что он во всем любил точность, благодаря чему в райисполкоме его ценили, как исполнительного работника. Когда бы я ни зашел к нему на службу, Валентин Иваныч неизменно трудился за своим столом. Справа от него, на расстоянии вытянутой руки, лежали на столе счеты, а слева, точно на таком же расстоянии, стоял арифмометр. Под чернильницу подостлана была промокательная бумага, на которую Валентин Иваныч, чтобы не пачкать стол, имел обыкновение класть ручку. На кисточку для клея надет был картонный кружочек, который не давал ей слишком глубоко погрузиться в клей. Мне приходилось слышать, что Валентин Иваныч первым из всех сотрудников составил квартальную сводку, что, когда из «области» были спешно затребованы какие-то сведения, Валентин Иваныч сообщил их незамедлительно. «У нашего Валентина Иваныча, — покровительственно и с некоторой гордостью говаривали о нем, — все в полном ажуре!»

Это употребляемое в канцеляриях слово внушило мне мысль, будто Валентин Иваныч работает кем-то вроде делопроизводителя, и я никогда не стал бы писать о нем, если бы не ошибся в своем предположении.

Я жил тогда в колхозе у Тараса Егорыча Сиволапа. После обеда, когда почтальон приносил почту, я заходил обычно в правление, чтобы прочитать газеты. В тесном кабинетике председателя было прохладно, как всегда в глинобитных домах с их толстыми стенами. Вдоль стен вперемешку лежали на глиняном полу серебристые пучки полыни и коричневатые, с шапками желтых цветочков пучки ромашки. Пахло степью, и мне казалось, что это не от полыни с ромашкой, положенных сторожихой, что это от председателя исходит крепкий травяной запах. Коренастый, загорелый до черноты, с жестким седым чубом, Тарас Егорыч напоминал мне чем-то кустистое и цепкое степное растение. Старый агроном из батраков, научившийся грамоте уже взрослым человеком в ликбезе, он с полгода назад избран был председателем самого отсталого в районе колхоза и вскоре добился, что в районных учреждениях с ним стали считаться, пожалуй, даже побаивались его. Был такой случай, когда Тарас Егорыч не успел скосить подсолнух на силос, — кажется, МТС его подвела. И вот в колхоз к нему приехал председатель райисполкома; пригнал два комбайна, потребовал немедленно приступить к уборке. Но на подсолнухе уже образовались корзиночки, стебли его стали жесткими, древовидными, для силоса они уже не годились. Разумнее было, считал Тарас Егорович, дать подсолнуху дозреть, собрать семечки и набить масла. И хотя председатель райисполкома настаивал на точном выполнении плана, Тарас Егорыч все же сделал по-своему, не дал погубить подсолнух.

Бывало, я читал газеты, а Тарас Егорыч, уткнувшись лбом в ладонь и расчесывая пальцами свой буйный чуб, просматривал почту. Изредка мы обменивались немногими словами, причем на какое-нибудь мое замечание относительно прочитанной корреспонденции Тарас Егорыч, если он был согласен со мной, отзывался одной и той же фразой: «Единственно, как вы подчеркнули». Иной раз к Тарасу Егорычу заходил плутоватый с виду дедусь в зеленой фуражке пограничника, с пустой сумкой из-под противогаза на боку, и принимался канючить, просить председателя, чтобы тот прибавил ему трудодней, иначе он сторожить не станет. «Господь здоровья прибавит, — отшучивался обычно Тарас Егорыч, а потом, когда дедусь уходил, объяснял мне: — Привык тут кое-кто трудодни таскать. Ну, я решето погуще поставил». Или прибредала какая-нибудь ветхая бабка, спрашивала, можно ли выписать гречневой крупы. Тарас Егорыч отвечал, что можно, тогда бабка, желая протянуть разговор, интересовалась: «А какая цена?». «Какая сама, такая и цена», — говорил, улыбаясь, Тарас Егорыч. А то еще случалось, что в знойной тишине августовского полдня послышится вдруг цокот копыт и громыхание мчащейся во весь опор подводы. Председатель распахнет окно, высунется наружу, и, когда возчик, паренек лет пятнадцати, остановит коня, выйдет к нему, ослабит чересседельник, сунет руку под седелку и покажет возчику ладонь — всю в мыле. «Так ведь в кузню», — оправдывается паренек и кивает на подводу, где лежит плуг. «На пожар — и то надо соображать», — спокойно скажет Тарас Егорыч.

Однажды, когда мы сидели вот так в правлении, Тарас Егорыч, услышав шум подъехавшего грузовика, поглядел в окно и пренебрежительно, со стариковской язвительностью проговорил:

— Агроном пожаловал! Нашему перелазу троюродная дыра.

Я не успел подумать, почему председатель, будучи агрономом, сказал о приезде своего собрата с таким презрением, настолько меня удивило, что слово-то это — «агроном», которое, как я помнил, составлено из двух греческих слов, означающих «поле» и «закон», относилось, по всей видимости, к Валентину Иванычу Малявочке, осторожно вылезавшему из высокого кузова грузовика. «Законодатель полей»,— пришла мне в голову фраза, похожая на заголовок очерка об агрономе, и я как бы примерял ее к Валентину Иванычу, покамест тот стоял посреди площади и старательно отряхивал с себя пыль. Медные колпачки автоматической ручки и карандаша, торчавшие из нагрудного кармана его пиджака, ослепительно горели на солнце. Мне почему-то показалось, что это их блеск привлек внимание старого гусака, постоянно слонявшегося около правления, где был

XIV пленум правления Союза советских писателей СССР

Вечернее заседание 23 октября

На вечернем заседании, проходившем под председательством А. Суркова, первым выступил **Самед Вургун** (Азербайджан), который говорил о богатстве и разнообразии направлений и стилей в литературе социалистического реализма и следовательно в драматургии. Между различными творческими направлениями идет соревнование, но, к сожалению, пленум не показал этой живой картины развития нашей драматургии. С. Вургун отстаивает правомерность существования в советской литературе романтически-приподнятого, торжественного стиля. Для передачи богатства и глубины мысли советского человека в драматическом произведении надо, чтобы речь героев не была скудной, натуралистически воспроизведенной, как это часто мы видим в пьесах, а красивой, поэтичной.

Недоумение по поводу того, что на пленуме, посвященном советской драматургии, ничего не было сказано о работе тех людей, которые дают сценическую жизнь произведениям драматургии, выразил главный режиссер Театра Советской Армии **А. Попов.** Это упущение, считает он, выражает в какой-то степени ослабление связей между драматургами и театром.

А. Попов большую часть своего выступления посвятил образу советского человека в пьесах наших драматургов. Он считает, что априорное, заранее придуманное решение обязательно написать образ положительного героя приводит к схематизму, к механической дозировке определенных качеств, к процентному соотношению добра и зла. Надо рисовать неповторимо-конкретные, разнообразные и в то же время обобщенные образы советских людей, во всем богатстве их характеров, и тогда-то, как конечный результат, может появиться в пьесе положительный образ.

Драматург не должен забывать, сказал А. Попов в заключение, что ему надлежит заработать право занимать собою в течение 4-х часов до полутора тысяч советских людей, быть их собеседником. Надо иметь круг важных мыслей, глубоких чувств, переживаний, наблюдений, образных сравнений, юмора. Никакое мастерство в построении сюжета не заменит этих качеств.

А. Фадеев в своей речи остановился на огромном значении решений XIX съезда партии и постановлений сентябрьского Пленума ЦК КПСС и на тех задачах, которые в связи с этими решениями возникают перед писателями. Советская литература в своем развитии опирается не только на классические традиции, но и на богатый опыт советских писателей. Отмечая плодотворность требовательной и принципиальной критики, А. Фадеев подчеркнул, что следует различать критику ошибок советских писателей от борьбы против враждебной идеологии и ее сознательных носителей. Большое внимание уделил А. Фадеев вопросам вовлечения в литературно-общественную деятельность широких кругов писателей — коммунистов и беспартийных, о борьбе за мастерство, об улучшении работы всех звеньев Союза писателей.

В конце заседания с речью выступил министр культуры СССР **П. К. Пономаренко.** Он говорил о роли советского театра, пропагандирующего политику партии, призванного воспитывать народ, особенно молодежь, в духе коммунизма, обязанного удовлетворять растущие культурные запросы трудящихся нашей страны. У нас в стране работают 497 театров, показывающих спектакли на 39 языках народов СССР. Советский многонациональный театр за время своего существования приблизил искусство к народу, завоевал нового зрителя и, усвоив лучшие реалистические традиции, созданные на протяжении вековой истории русского театра, успешно развивал их на основе социалистического реализма.

Отметив известные успехи драматургии, наступившие после XIX съезда партии, П. К. Пономаренко указал, что пока еще эти достижения не отвечают требованиям, которые предъявляют к литературе и театру партия и весь советский народ.

Немало спектаклей идут при далеко не заполненном зрительном зале. Это означает, что многие театральные зрелища не привлекают зрителя. Количество театров у нас, по сравнению с дореволюционным временем, значительно возросло, профессиональные театры появились там, где раньше о них не было никакого представления, например в союзных республиках Средней Азии, а интересных, полноценных в идейно-художественном отношении пьес у нас еще недостаточно.

О невысоком качестве пьес и низком уровне иных постановок красноречиво свидетельствует короткая жизнь многих спектаклей, поставленных периферийными театрами и прошедших на сцене всего лишь 10—20 раз, а затем переставших привлекать зрителей.

Нельзя забывать о создании репертуара для самодеятельности. У нас 350 тысяч кружков, в которых участвуют более пяти миллионов человек. Только за прошлый год они показали 910 тысяч спектаклей и концертов, и их посетили 90 миллионов зрителей. К этой большой армии людей, приобщающихся к искусству, надобно относиться со всем уважением.

В своей речи П. К. Пономаренко говорил также о работе кинодраматургов; он отметил, что кинематография чрезмерно увлеклась исторической тематикой, отдаляясь от жизни современников, забывая о советском человеке, его чувствах, думах, заботах и радостях, сообщил пленуму о планах и перспективах производства кинокартин различных жанров.

Большое внимание П. К. Пономаренко уделил задачам, стоящим перед драматургами и писателями в свете решений XIX съезда партии и сентябрьского Пленума ЦК КПСС.

***

Обсуждение вопросов драматургии закончено. По первому пункту повестки дня пленум принял постановление, в котором секретариату ССП поручается, изучив материалы XIV пленума, сделать все практически необходимое для оживления работы комиссий и секций драматургов в Москве, республиках, краях и областях. При этом главным считать непосредственную помощь драматургам, работу над повышением их драматургического мастерства.

Секретариату совместно с комиссией по драматургии поручено подготовить предложения по улучшению системы рассмотрения и прохождения новых пьес с тем, чтобы обсудить эти предложения вместе с Министерством культуры СССР.

Утреннее заседание 24 октября

На заключительном заседании 24 октября, проходившем под председательством А. Фадеева, обсуждался вопрос о созыве II Всесоюзного съезда советских писателей и избран новый состав президиума и секретариата.

— В течение девятнадцати лет, — сказал **А. Сурков,** — не созывался писательский съезд. За эти исторические годы, прожитые нашей страной, произошли огромные изменения в советской литературе. Если в 1934 году, в период первого съезда, многие братские литературы еще только делали первые шаги, то теперь во всех национальных республиках у нас есть большая, художественно и тематически богатая литература. За эти годы вошло в литературу два новых поколения писателей — довоенное и послевоенное — писателей, которые смело и решительно выдвинулись в первые ряды и создали произведения, пользующиеся любовью как советских, так и зарубежных читателей. За эти годы советская литература стала серьезным фактором развития литературы стран народной демократии, она оказывает большое влияние на всю прогрессивную литературу мира. Все это говорит о необходимости подытожить и обобщить накопленный богатый и разнообразный опыт и наметить пути дальнейшей работы, чтобы достойным образом ответить на требования, которые предъявляют к нам партия, народ, выполнить задачи, поставленные перед литературой решениями XIX съезда и последними историческими документами партии и правительства.

Серьезные недостатки имеются в деятельности президиума и секретариата союза. Редколлегии журналов не сумели создать вокруг журналов атмосферу коллективной творческой работы, не объединили писателей и критиков вокруг обсуждения творческих вопросов и новых произведений. Очень слабо работали творческие секции как на местах, так и в Москве.

Необходимо развернуть работу по подготовке съезда писателей, упорядочить всю организационную работу, добиться подлинной коллегиальности руководства и широкого привлечения писательского актива к общественной жизни литературных организаций.

Пленум принял постановление созвать II Всесоюзный съезд советских писателей осенью 1954 года и поручил президиуму в двухмесячный срок подготовить предложения о повестке дня съезда, о порядке и нормах представительства на съезде и мероприятиях по подготовке к съезду. Пленум постановил также созвать в январе — феврале 1954 года очередной, XV пленум правления Союза советских писателей СССР, на котором обсудить вопросы подготовки к съезду.

Затем пленум перешел к избранию президиума и секретариата. Единодушно принято решение о новой структуре руководящих органов. В соответствии с уставом ССП восстановлена должность председателя правления.

Председателем правления ССП СССР единогласно избран **А. А. Фадеев.**

Пленум избрал президиум правления. В президиум избраны 35 человек: А. А. Фадеев, А. А. Сурков, К. М. Симонов, Н. С. Тихонов, Л. М. Леонов, Н. М. Грибачев, Б. Н. Полевой, Л. С. Соболев, В. Н. Ажаев, А. Т. Твардовский, Ф. И. Панферов, В. М. Кожевников, Н. Ф. Погодин, А. В. Софронов, Самед Вургун, М. Ф. Рыльский, П. У. Бровка, А. Т. Венцлова, С. П. Щипачев, М. А. Шолохов, А. Е. Корнейчук, Ф. В. Гладков, И. Г. Эренбург, К. А. Федин, Н. П. Бажан, Г. Н. Леонидзе, Н. Н. Асеев, В. П. Катаев, С. Я. Маршак, В. В. Ермилов, А. А. Караваева, А. А. Первенцев, Турсун-Заде Мирзо, Гафур Гулям, Наири Зарьян.

Для руководства повседневной практической работой избран секретариат: А. А. Сурков (первый секретарь), К. М. Симонов, Н. С. Тихонов, Л. М. Леонов, Н. М. Грибачев и Б. Н. Полевой.

рассыпан овес. Гусак раскинул крылья, вытянул шею и стал, не спеша, приближаться к Валентину Иванычу, а тот, взяв обеими руками свою пухлую папку, махал ею на сердитую птицу, кричал: «Кыш, кыш» — и опасливо обходил ее стороной.

— Фома Фомич еще не вернулся с обеда? — спросил Валентин Иваныч, войдя к Тарасу Егорычу и поочередно протянув каждому из нас мягкую холодную руку. — Мне бы у него проинформироваться насчет использования минеральных удобрений.

— А я и не знал, что наш Фома Фомич по этому делу спец! — развел руками Тарас Егорыч. — Думаю себе — бухгалтер... Держу его, чудак, в конторе.

Валентин Иваныч, не понимая иронии, уставился на Тараса Егорыча своими безмятежными голубыми глазами в мохнатых светлых ресницах и деликатно пояснил:

— Собственно, я имел в виду отчетность.

— Отчетность! — поднялся из-за стола Тарас Егорыч. — Так наша же с вами отчетность в степи! Сейчас коня велю запречь, поедем. Мне председатель райисполкома Сердюк говорит: «Крепенький у тебя конь». «А я и сам, отвечаю, крепкий. Больше пешком хожу. Ногам, говорю, земля виднее». Или, может, пройдемся? Городские граждане это обожают. У нас тут дачница одна живет, не хуже меня вышагивает. Воздух!

Говоря это, Тарас Егорыч предупредительно распахивал перед нами двери, потом, когда мы вышли на улицу, пошел шагать хорошим ходким шагом. Валентин Иваныч остановился, деловито и аккуратно подвернул брюки, чтобы в отвороты штанин не набилась земля, и поспешил за Тарасом Егорычем. Странное дело, Валентин Иваныч показался мне почему-то меньше ростом, может быть, из-за того, что очень уж широко и просторно было вокруг.

Стоял тихий и жаркий августовский день. Хорошо наезженный шлях, огибая увалы и опускаясь в неглубокие низинки, тянулся среди полей. На взодранной лущильниками стерне уже зеленели успевшие взойти сорняки. Грачи прогуливались по только что поднятой зяби. В одном месте, под старым осокорем, желтели в дорожной пыли первые опавшие листья. В другом, в черной и глубокой колее на дне балочки, блестела вода, из которой прыгали в траву на обочине шустрые лягушата.

Мы свернули на вспаханное поле. Серые и комковатые, чуть подсохшие сверху гребни, с торчавшей кое-где стерней, истончаясь, уходили к горизонту. Я заметил, что Тарас Егорыч сперва ступает пяткой, а потом уже опускает носок, проверяя каблуком глубину пахоты. Земля осыпалась с его сапог мелкими крупинками, оставляя на порыжелой коже влажные темные следы. А Валентин Иваныч ковылял вразвалку, как видно, туфли его были полны землей, но он стойко переносил это неудобство.

Тарас Егорыч наклонился, разгреб рукой комья земли, показал Валентину Иванычу срезанное плугом корневище с увядшим побегом пырея и объяснил, что почва здесь очень богата азотом. И вдруг, будто спохватившись, как бы досадуя на свою стариковскую память, добавил:

— Совсем из головы вон... Вы же и сами эту химию проходили: «Азот — солому гонит, а фосфор создает семена». Одно без другого не идет. Хорошо бы сейчас суперфосфату под зябь...

Валентин Иваныч сосредоточенно молчал.

Поле постепенно поднималось, гребни пахоты теперь уже лежали поперек, и мы шагали по ним, как по ступеням. Тарас Егорыч шел несколько впереди, легко преодолевая подъем. Синие его галифе, необычайно широкие, напоминавшие шаровары, выглядели очень яркими на желтоватом, с краснинкой, поле. Валентин Иваныч едва поспевал за неутомимым стариком и, видать, с непривычки, то и дело вытирал платочком вспотевший лоб. Тарас Егорыч обратил его внимание на то, что по мере того, как мы поднимались, пашня становилась глыбистее и темнее, затем он опрокинул носком сапога окаменевший кусок земли и показал распластанный под ним смятый кустик полыни.

— Солонцы, — проговорил он. — Как раз бы их теперь гипсовать. — И снова, поглядев на Валентина Иваныча, с удивлением развел руками: — Ну никак не привыкну, что вы агроном! Извините уж.

Должно быть, мы вышли на водораздел. Отсюда далеко было видно вокруг. Черные, серые и коричневые поля, исчерченные в разных направлениях бороздами, как бы текли к балкам и взбирались на увалы. Среди вспаханных полей лежали зеленые клеверища, пыльные пастбища, золотящиеся на солнце прямоугольники стерни. По стерне, стреляя клубочками дыма и разматывая за собой темную ленту пахоты, двигались тракторы. Было удивительно, что одна и та же степь может вместить в себя и то вон далекое черное поле, с расплывшейся в дымке марева линией горизонта, и эти сухие солонцы под нашими ногами, в сеточке трещин, в редких сгоревших травинках.

Тарас Егорыч спросил меня, как, на мой взгляд, следует распределять удобрения. Несколько недоумевая, я ответил, что, вероятно, исходя из особенностей почвы и высеваемых культур.

— Единственно, как вы подчеркнули, — согласился Тарас Егорыч. — А вот он, — кивнул он в сторону Валентина Иваныча, который сидел на земле и разувался, — он по бумажке распределяет. Ему бы в землю глядеть, а он — в бумажку из Сельхозснаба: такой-то колхоз вывез в прошлом году столько-то удобрений, и в позапрошлом столько-то, ну и сегодня получай ту же самую норму. Выходит, земля виновата, что до меня тринадцать председателей было и ни один удобрений не вывовил: или денег у него нет, или считает морокой с ними возиться.

— Вам фосфоритка была занаряжена, — с невозмутимостью отозвался Валентин Иваныч, вытряхнул набившуюся в туфли землю и стал обуваться.

Я посмотрел на Тараса Егорыча и не узнал старика. Взгляд его из-под нависших бровей, всегда ровный и ясный, потемнел, стал колючим. На лбу вздулась возле седого виска извилистая, в узелках, жилка. Доброе лицо председателя, с крупными, мягкими чертами, из-за этой бьющейся жилки и сузившихся глаз приобрело сухое, язвительное выражение. Точно так же, покоен и недвижим, стоит где-нибудь в степи у дороги приземистый, весь в синевато-черных ягодах, чуть припорошенный пылью терновник, листом не шелохнет, не вздрогнет, словно сомлел на жарком полуденном солнце, но только лишь заденешь его — и он встрепенется, зашумит всеми своими ветвями, а колючки вопьются в неосторожную руку.

— Писарчук! — проговорил в сердцах Тарас Егорыч, повернулся и пошел прочь.

И в этом слове, которым в пору моего детства крестьяне презрительно называли уездных канцеляристов, было все, что мог сказать старый агроном о своем товарище по профессии, который рядом с ним ходил по земле и не хотел видеть даже того, что этим вот солонцам нужен гипс.

— Привыкли специалистов утрировать, — обиделся на председателя Валентин Иваныч, имея в виду, конечно, «третировать», и обеспокоенно добавил: — Застать бы Фому Фомича. Завтра сводку составлять, а у меня еще по ихнему колхозу никаких сведений.

В. ЕРМИЛОВ

О НАРОДНОСТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Борьба народа за свое освобождение преемственна, как это ясно видно на примере трех этапов русского революционно-освободительного движения и трех поколений революционеров, действовавших в нем. Указав на преемственность в народном освободительном движении, Ленин тем самым, по существу, дал ключ и к решению вопроса о том, почему искусство ушедших в прошлое исторических формаций часто сохраняет свое живое значение для новых поколений и общественных формаций, служит для последних источником непосредственного художественного наслаждения. Степень народности является одновременно и степенью правдивости, объективности отражения конкретно-исторической действительности в художественном произведении. Вопрос о степени народности искусства тесно связан с вопросом о художественности, ибо художественность неотрывна от полноты, правдивости, глубины отражения объективной действительности, типичности воплощаемых художником характеров и обстоятельств. Меняется на протяжении исторического развития, со сменой общественных формаций, классовое содержание народной массы, и соответственно меняются ее взгляды, стремления, цели, но всегда народ является решающей силой истории, производящей и вдохновляющей все великие материальные и духовные ценности.

Именно с народностью литературы ближайшим образом связан также вопрос о литературной преемственности, о литературных традициях и литературном новаторстве. Потому и возможно продолжение и развитие литературных традиций, несмотря на различие классов, выдвинувших тех или других писателей, и на различие общественных формаций, что существует преемственность в народном освободительном движении и в тех влияниях, которые в различные эпохи оказывает народ на творчество писателей.

Положения Ленина о трех этапах русского освободительного движения и должны быть прежде всего положены в основу изучения развития народности русской литературы критического реализма и литературы социалистического реализма. Только при таком изучении мы сможем и освободиться от тех абстрактных представлений о народности литературы, при которых мера народности различных писателей возникает лишь в количественном, а не в качественном значении.

Рассмотрим некоторые примеры развития народности русской литературы в связи с тремя этапами русского освободительного движения — примеры, помогающие уяснению того, в каком направлении следует, на наш взгляд, разрабатывать проблему развития народности литературы, опираясь на анализ художественной специфики, поэтической конкретности литературных явлений.

Наша советская литературная наука уже достаточно разъяснила, что характер народности русской литературы критического реализма объясняется целым рядом особенностей русского исторического развития, в числе которых наиболее важную роль играет не сходивший с порядка дня крестьянский вопрос, назревание крестьянской революции. Самое рождение русской литературы критического реализма явилось отражением могучего народного протеста. Огромную роль в нарастании этого протеста, в развитии русского национального самосознания, в оформлении критического реализма и в своеобразии всего облика, всех традиций — в том числе героико-эпических традиций русской литературы — сыграла победоносная национально-освободительная война 1812 года.

К писателям, отразившим период дворянской революционности в развитии русского освободительного движения, целиком применима глубокая и точная мысль, высказанная М. И. Калининым: «Народность основной струи художественной мысли состояла в развитии прогрессивных элементов в господствующих классах, что не могло не вести хотя бы отчасти к развитию народа». Самое развитие прогрессивных элементов в господствующих классах являлось отражением народной борьбы. Национально-освободительная война 1812 года была исключительным по своей наглядности доказательством решающей силы народа в истории — народа, который, по характеристике Л. Толстого, поднял дубину народной войны. Патриотический героизм, эпические подвиги народа сделали ясной для всех передовых людей эпохи неразрывную связь патриотизма с народностью и со свободолюбием. Недаром у декабристов понятия **отчизна** и **свобода** были связаны такой прочной связью, что одно не мыслилось без другого. И недаром в пушкинской поэзии, кровно связанной с дворянским этапом русского революционно-освободительного движения, слова **свобода** и **отчизна** были словами-братьями.

Энергия народа, поднятая громами Отечественной войны, была велика, и многим было ясно, что этот подъем не уложится в рамки, отведенные ему правящим классом, правительством, реакционной массой дворянства. За период от 1813 года по 1825 год произошло свыше 500 крестьянских волнений, некоторые из которых по своему размаху напоминали порою пугачевские времена: таковы были волнения в Екатеринославе, которые наблюдал Пушкин, волнения на Дону. Бунтовали рабочие на уральских и других заводах; шли брожения среди военнопоселенцев; в 1820 году в самой столице вспыхнуло восстание в Семеновском полку. В прокламациях семеновцев говорилось о царе и дворянах: «тиран тиранов защищает». Слово «тиран» одинаково применялось и к Наполеону и к российскому самодержцу, — точно так же, как пушкинская строфа оды «Вольность», начинавшаяся словами «Самовластительный злодей», относилась и к тому и к другому. Народ настолько основательно «критиковал» отживший феодально-крепостнический строй, что литература не могла не проникнуться критическим началом.

Великое идейно-художественное новаторство Пушкина сказалось прежде всего в том, что в его творчестве была поставлена тема народа как коренная тема истории и современной действительности. Эта тема в пушкинской поэзии разветвлялась, представала во множестве богатейших, разнообразнейших вариаций. С большой силой звучал мотив: **поэт и народ.**

Сдержанным гневом и скорбью о положении поэта и о положении народа в феодально-крепостническом обществе наполнены величавые стихи:

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями.
Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит.
Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы.
Меж тем за тяжкими дверями,
Теснясь у черного крыльца,
Народ, гоняемый слугами,
Поодаль слушает певца.

Этот отрывок является настолько **поэтически законченным,** что мы имеем полное право рассматривать его, как самостоятельное художественное произведение.

Каждое слово по-особенному весомо в этих стихах; поразительно весома, кажется, физически ощутима тяжесть этих тяжких дверей — преград, которыми пытались отгородить народ от поэзии; предельно ясны горечь и стыд за унизительное положение поэзии, для которой возможность высказать правду — ту горькую правду жизни, без которой нет поэзии, сопряжена с явно вынужденной ложью в угоду господствовавшему классу. Ирония над вельможами и царями, внимающими лести пиита, горькая ирония над положением самого пиита, роль которого сведена к украшению боярских пиров, — эта ирония выражена и в неожиданном перебое ритмического строя стиха — в этих легких, как будто легковесно выскакивающих из общего тяжелого, кованого ритма коротких, неожиданно изменяющих всю торжественно-величавую музыку стиха лукаво-насмешливой скороговоркой двух строках, с их пародией на рифму:

Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы.

Самое положение этих двух строк в общем ритмически-смысловом и интонационном торжественном строе стиха насмешливо, и каждое слово в этих строках получает насмешливо-ироническую окраску; именно в этих строках как бы прорывается то сочетание торжественной величавости с внутренней иронией, которое звучит во всей мелодии стихотворения. Созвучие слов **пиры** и **хвалы,** с его неточностью, при общем ироническом звучании этих двух строк во всем строе стихотворения, как бы ставит под ироническое сомнение и самую ценность тех умных похвал, которым внемлет пиит; неточная связь этих двух слов бросает насмешливый отблеск на **хвалы,** источаемые при **пирах.** Ироническим перебоем стиха, в сущности, и снижается торжественность первой половины стихотворения, относящейся к теме: поэт и господствующая чернь. Так выясняется, что и первое слово, которым открывается стихотворение: **блажен** — иронично. Слово **спесь,** поставленное рядом со словом **слава,** снижает славу вельмож и царей, а значит, снижает и славу пиита, воспевающего царей и вельмож. После иронического перебоя во второй половине стихотворения, относящейся уже к теме: поэт и народ, стих опять возвращается к величавой торжественности, и **эта** торжественность, сумрачная, горько-ироническая, уже ничем не перебивается, не снижается, а, наоборот, усиливается, возвышается, доходя до высшей точки подъема в последней многозначительной строке — и грустной и грозной: народ, который

Поодаль слушает певца.

Богатство идейно-художественного наполнения последних четырех строк поистине неисчерпаемо. Народ стремится к поэзии вопреки тяжким дверям, глумлению челяди, теснясь у черного крыльца, — со скупой и могучей поэтической силой передана вся необходимость для народа поэзии. Особая весомость заключительной, итоговой строки усиливается именно тем, что народ остается безмолвным; стихотворение как будто не окончено. Мы не знаем, намеревался ли Пушкин развернуть далее тему народа в стихотворении, но «незаконченность» эта являлась самой высокой поэтической завершенностью: она говорила об исторической незаконченности темы. Как и народная поэзия, которая часто не любит прямых выводов, ограничиваясь в финалах эпическим указанием на положение, отношение лиц в самой композиции, — так и пушкинское стихотворение характеризуется в финале скульптурной неподвижностью образа народа. Мы не видим выражения лиц, не слышим слов, восклицаний восторга или осуждения. И именно это дает нам ясное ощущение значительности, глубины накопления чувств, живое ощущение созревающей большой мысли, сурового и правдивого суда. Народ **поодаль слушает певца,** это — не его поэзия, да его и не пускают к ней, она далека от него. Но в ней есть и ложь, и горькая правда, — значит, в этой поэзии есть и то, что принадлежит народу. И народ слушает все — и правду, и ложь — и вершит свой суд, свой приговор, в котором будет отделена ложь от правды. И это суждение будет более весомым, чем сомнительные умные хвалы, связанные с боярскими пирами. Оно будет более весомым и потому, что тут, у народа, который стремится к поэзии вопреки всем тяжким преградам, поэзия не встретит «вкус притупленный»...

В глубоком поэтическом подводном течении стиха выражено устремление к народу, к горькой правде — от сладкой лжи, от унизительного для поэзии служения сильным мира сего, передана сущность меценатства, сводящего значение поэзии к украшению пиров. Очень ясно, по всей поэтической логике произведения, что народ и есть истинный слушатель поэта. «Безмолвный», угнетаемый народ остается высшим судьей поэзии, как и высшим судьей всей жизни, и последнее слово остается за ним. В заключительной строке слышится и глухая, отдаленная, как дальний гром, угроза. По своей угрюмой, сдержанной, угрожающей силе эта строка равносильна другой, столь же многозначительной пушкинской строке: **Народ безмолвствует.**

В словах: **приправя горькой правдой ложь** — выражена и горькая ирония над самой правдой, настолько урезанной в своих правах, что она стала приправой к **лжи,** — приправой необходимой, потому что и ложь невозможна без правды: ложь **есть** искажение правды.

Если бы в стихотворении не присутствовал образ народа, слушающего и правду и ложь, то и все богатые и сложные мотивы: и стыд и горечь за поэзию, и ирония, и даже печальное сочувствие поэту — артисту, владеющему смехом и слезами, — все это не могло бы прозвучать с такой силой. Стоит только изъять из стихотворения образ народа, как все окажется лишь замкнутым, внутренним дворянским делом, и самые слова о горькой правде потеряли бы все свое трагическое значение, всю свою поэтическую горькую силу: эти слова весомы, они звучат только в связи с образом народа. Так в самой конкретной поэтической ткани произведения мы чуть ли не с физической осязательностью прощупываем его **народность.** Стихотворение **не состоялось бы** без образа народа. Но это и есть одно из неопровержимых, поэтически документальных а не отвлеченных доказательств того, что значение народа для поэзии остается решающим даже и тогда, когда **народ безмолвствует.** Народ в пушкинском стихотворения при своем безмолвии — не фон, не иллюстративная условность, а реально действующий в поэтической логике стихотворения, определяющий эту логику образ. И самое безмолвие народа действенно, таит в себе могучий потенциал действия.

В некрасовской поэзии народ уже отнюдь не безмолвствует, он прямо говорит о своей жизни, прямо высказывает свои мнения и оценки. Революционеры-демократы, выдвинув новые требования к литературе, выдвинули и новые формулы отношения **между поэтом и народом,** новый образ поэта. Программным в этом отношении явилось знаменитое стихотворение Некрасова на смерть Гоголя, перекликающееся с рассмотренным стихотворением Пушкина. Эта перекличка существует независимо от того, знал или не знал Некрасов пушкинский отрывок. При обоих вариантах самый факт, сама возможность такой переклички представляет первостепенный интерес. Оба стихотворения — пушкинское и некрасовское — характеризуются и родством всего своего ритмического строя, и иронической окраской одного и того же слова, открывающего оба стихотворения: **Блажен в златом кругу вельмож** — у Пушкина; **Блажен незлобивый поэт** — у Некрасова. Окраска первого слова различна: у Пушкина — горько-ироническая, у Некрасова — сатирически-отрицающая, но в обоих **случаях ирония несомненна.**

Образу «незлобивого поэта» с «миролюбивой» лирой в некрасовском стихотворении противопоставлен образ поэта — защитника народа, поэта-обличителя, бойца.

...Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.
Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком рокоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

Слово **хвалы,** которое в пушкинском стихотворении находилось в своеобразном созвучии со словом **пиры,** в некрасовском стихотворении нашло точную рифму, подчеркивающую и остроту резкой противопоставленности таких понятий, как **хвала** и **хула,** и остроту их отождествления в сознании поэта — народного защитника, для которого хула, исходящая от недругов народа, служит лучшим одобрением избранного им **тернистого пути.**

Новая формула отношения между поэтом и народом, новый образ поэта, выдвинутый литературой социалистического реализма, нашел наиболее яркое и значительное выражение в поэзии Владимира Маяковского. Глубина слияния поэта с народом и его высшей правдой — коммунизмом была выражена и в словах из поэмы «Владимир Ильич Ленин»:

Я счастлив,
что я
этой силы частица...

и в утверждении: **Поэт — одновременно народа водитель и народный слуга.**

Слово **счастлив** у Маяковского дано в прямом значении, а не в том внутренне отрицающем, в каком соответствующее этому слово предстает в стихах Пушкина и Некрасова, посвященных теме: **поэт и народ.**

Эта тема во всех наиболее значительных произведениях русской поэзии всегда звучит в связи с темой **правды** — той правды, без которой невозможно самое существование поэзии. В поэмах А. Твардовского, продолжающего и развивающего пушкинские и некрасовские традиции в наше время, образ Коммунистической партии, приведшей народ к торжеству самой высокой правды, органически связан с образом народа; неразрывное единство **партийности и народности** пронизывает всю художественную ткань поэмы «Страна Муравия». Тема **правды** в связи с темой **поэта и народа** в поэме «Василий Теркин» играет роль лейтмотива.

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька...

Народу не прожить без правды, поэзии тоже «не прожить наверняка» без правды. Пушкинское презрение к лжи, к полуправде, к приукрашиванию действительности особенно близко и понятно советской литературе именно потому, что это литература торжествующей, победившей правды, непосредственно-народная литература по самой своей сути.

Так на трех этапах развития русской литературы развивалось и изменялось самое представление поэтов о сущности их взаимоотношений с народом в связи с изменением самого качества народности литературы. Устремление поэзии к народу, невозможность существования поэзии без народа — у Пушкина; борьба за свободу народа против угнетателей — у Некрасова; неразрывная связь поэзии с народом-победителем, с Коммунистической партией, приведшей народ к торжеству правды, сознание реального, передового значения поэзии в новом обществе, полнота слияния поэзии с народом — у советских поэтов.

К „ДЕЛУ“ РЕНЦИ И АРИСТАРКО

В нашей газете уже сообщалось об аресте двух прогрессивных итальянских киножурналистов — Аристарко и Ренци (см. «Литературную газету» от 1 октября 1953 г.). Аристарко и Ренци были преданы суду военного трибунала за опубликование киносценария, правдиво характеризующего бесчинства итальянских фашистских войск на территории оккупированной Греции и разложение оккупационной армии Муссолини.

Суд над Аристарко и Ренци в течение долгого времени был в центре внимания итальянской общественности, выступившей с решительным протестом против действий распоясавшейся реакции.

В самом начале процесса защитники указали, что обвинение в поношении вооруженных сил, предъявленное Аристарко и Ренци, не имеет никаких оснований, ибо сценарий критикует армию Муссолини.

В ответ на это «законники» из миланского военного трибунала заявили: «...нельзя не признавать исторической и моральной преемственности армии, независимо от форм государственного строя и правления». Так они перед всем миром во всеуслышание признали, что итальянская реакция хлопочет о сохранении традиций фашистской армии Муссолини.

Обвинитель Ренци и Аристарко генерал Солинас — в прошлом прокурор фашистских военных трибуналов в Греции — в своей речи оправдывал действия фашистских войск, расстреливавших заложников.

Военный трибунал приговорил Ренци к семи месяцам, а Аристарко — к шести месяцам заключения в военной тюрьме.

Под давлением общественного мнения итальянская реакция не решилась привести приговор в исполнение, он был признан условным. После освобождения Ренци заявил, что он обжалует приговор, чтобы добиться признания своего права осуждать фашистскую агрессию.

Мнение общественности о процессе Ренци и Аристарко выразил прогрессивный киносценарист Чезаре Дзаваттини, который сказал: «Нужно разъяснять детям в школе, что такое демократия, республика и свобода; нужно с детства учить всех итальянцев, что за мифами, столь дорогими генералам вроде Солинаса, скрывается действительность: смерть, страдание, болезни, голод, несправедливость и глупость».

Мы публикуем сегодня две карикатуры из прогрессивного итальянского журнала «Лаворо», которые посвящены «делу Ренци и Аристарко».

С. Л.

Продавец книг — покупателю: — **Свод законов и конституцию я вам не советую покупать: они сейчас не в моде. Зато могу предложить вам сборник средневековых законов с прекрасными комментариями деятелей инквизиции...**

Рисунок из итальянского журнала «Лаворо»

Разговор кинематографистов: — Я живу в камере № 350, а ты?..

Рисунок из итальянского журнала «Лаворо»

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

«Иль темпо» раздосадована...

Выходящая в Риме реакционная газета «Иль темпо», которая важнейшим событиям борьбы народов за мир во всем мире уделяет обычно от силы десяток строк, да и то с злобной клеветой, отвела недавно более трех колонок сообщению о празднестве, состоявшемся в Биаррице. Празднество это было организовано знатным испанским маркизом Кувасом.

«Большой парк был освещен 1000 торшеров,— захлебываясь от лакейского восторга, расписывал это сборище специальный корреспондент «Иль темпо».— В парке играло 10 оркестров, и по замыслу распорядителей, желавших придать празднику пасторальный характер, по парку свободно разгуливали телята, овцы, ослы и даже... верблюд. В разных углах парка были сооружены бары со столиками, уставленными яствами. Эти столики обслуживали 500 официантов, одетых пастушками... Там было заготовлено 800 порций омаров, 300 подносов с цыплятами, груды ветчины и трюфелей, 200 жареных поросят, 25 жареных телят, 10 фаршированных ягнят, 4 жареных быка, горы салата и бесчисленные бочки с изысканными винами, 3 000 бутылок шампанского, 500 бутылок виски и несметное количество джина, перри и коньяка...»

Представители итальянской знати и их гости въехали в огромный парк, где происходила эта оргия, на машинах, оформленных в виде больших корзин; они были наряжены в маски, изображавшие фрукты, а всю компанию этих фруктов возглавлял граф Бресни. Здесь собралось 184 принца, 103 герцога, 448 графов и маркизов... На организацию этой оргии титулованных бездельников обоего пола было затрачено 750 миллионов лир... Эта сумма равна общей среднемесячной зарплате примерно 30 000 итальянских рабочих...

Надо сказать, однако, что отнюдь не этот факт вызвал недовольство газеты «Иль темпо». Эта газета, рекламировавшая в прошлом году подобную же оргию во дворце Лабиа в Венеции, как «величайшее празднество века», сейчас высказывает некоторую досаду совсем по другому поводу. В конце своей корреспонденции из Биаррица «Иль темпо» сообщает, что французское правительство наградило маркиза Куваса, организатора празднества, орденом Почетного легиона. В этом явно сквозит немой укор итальянским властям, которые до сих пор не догадались дать высшую награду — Звезду Итальянской республики инициаторам оргии во дворце Лабиа в Венеции и «знаменитого» «бала насекомых» в Риме...

Джованни ДЖЕРМАНЕТТО

„ГОРЕ КЕНИИ— ПОЗОР АНГЛИИ!“

В Лондоне состоялась демонстрация в защиту прав негритянского населения африканской колонии Англии—Кении. Демонстранты с плакатами: «Демократические права для негров Кении!», «Прекратить убийства в Кении!», «Горе Кении — позор Англии!»—прошли не так давно по улицам британской столицы на площадь Трафальгар-сквер, где состоялся митинг.

Снимок из английской газеты «Дейли уоркер»

М. АЛМАЗОВ

КАКОВА ЦЕЛЬ АТОМНОЙ ИСТЕРИКИ В США

Сильнейший приступ атомно-водородной лихорадки вновь потряс Соединенные Штаты. Последние недели вся американская реакционная печать, многие влиятельные деятели, конгрессмены, ученые-атомники бились в истерике.

Начало новой кампании атомного психоза было положено министерством обороны США. Во второй половине сентября министерство опубликовало список 70 районов страны, которым, по мнению военных специалистов, будет угрожать опасность со стороны противника в случае возможного якобы атомного нападения на территорию США. В этот список было включено большинство городов с населением свыше 40 тысяч жителей.

Спустя несколько дней в Нью-Йорке были проведены крупные учения по противовоздушной обороне. Утром 25 сентября, незадолго до начала рабочего дня, внезапно завыли сотни сирен. Взволнованный голос диктора объявил, что на город сброшены две атомные бомбы. Миллионы людей бросились в бомбоубежища, учреждения и магазины закрылись, городское движение остановилось. На четверть часа жизнь Нью-Йорка была парализована.

Вслед за этой, так сказать, первичной обработкой населения в кампанию по разжиганию истерии включилась значительная часть реакционной печати. С поистине поразительным единодушием чернильные рабы Уолл-стрита завопили об «угрозе атомного нападения на США», «уязвимости обороны северо-американского континента» и «недостаточности средств, расходуемых на вооружение».

Несколько позже к этому истерическому хору примкнули видные вашингтонские политики. Флемминг, Коул, Петерсон и другие государственные мужи выступили со специальными заявлениями в печати по поводу «атомной опасности». Эти заявления еще больше подлили масла в огонь истерии и психоза.

Руководитель управления мобилизации для обороны Флемминг в докладе на имя президента Эйзенхауэра (содержание доклада было хорошо известно американской печати и широко ею комментировалось) многозначительно подчеркнул, что «на специально избранные объекты в Соединенных Штатах может быть внезапно и без предупреждения сброшено самое разрушительное оружие, какое когда-либо создавал человек».

Свое выступление по радио председатель объединенной комиссии конгресса по атомной энергии Коул преднамеренно облек в неопределенную, пугающую слушателей форму. Коул заметил, что по причинам безопасности он не может сообщить ничего конкретного. Однако, мол, он «за последние два-три месяца узнал» такое, из чего ясно, что положение США является сейчас «отчаянным».

Руководитель федерального управления гражданской обороны Петерсон, выступая перед радиослушателями, потребовал немедленно перевести под землю все наиболее важные предприятия промышленности США.

Наконец сенатская подкомиссия по вопросам военной готовности приняла резолюцию о «всестороннем изучении континентальной обороны против угрозы водородного и атомного нападения».

Американская реакционная печать не брезгала ничем, чтобы сгустить атмосферу атомного психоза. Чего стоит, например, опубликованная в ряде газет информация о том, что 20 октября небольшой кусочек кожи одной из жертв первого в мире атомного нападения на Хиросима замурован в фундаменте нового «неуязвимого» для атомной бомбы здания института патологии при американской армии! Изрядная доля мистики, внесенная в эту информацию, должна, как видно, произвести особенно сильное впечатление на читателей...

Панические выступления вашингтонских политиков и американской печати сопровождались, как обычно, грязными, клеветническими воплями о «русской опасности», об «угрозе с Востока».

Но угрожает ли в действительности кто-нибудь безопасности Соединенных Штатов?

Господа американские политики отлично знают, что миф о «советской угрозе» состряпан на грязной кухне империалистической пропаганды. Однако, несмотря на все потуги реакционных пропагандистов, число наивных простаков, которые еще верят в этот миф, становится все меньше и меньше как в Западной Европе, так и в самих США. Конек антисоветской пропаганды спотыкается на все четыре ноги. Тем не менее, желая посеять панику и смятение в народе, заокеанские политиканы вновь громоздятся на этого конька.

В чем же действительные причины усиления атомно-водородной истерии? Некоторый свет на это проливают комментарии так называемой «деловой прессы» США. Это пресса крупных американских финансовых и промышленных кругов. Круг читателей у нее сравнительно узкий, и органы «деловой прессы» могут позволить себе кое-когда откровенный разговор со своим читателем.

Не страх перед мнимой угрозой «нападения» со стороны СССР, а страх перед усиливающимися признаками экономической депрессии в США —вот, оказывается, в чем заключаются истинные причины вспышки атомного психоза. «Личные наблюдения» и стремление «отделить реальные вещи от лихорадочных измышлений», пишет вашингтонский корреспондент «Коммершл энд файненшл кроникл» Баргерон, убедили его в том, «что люди, подобные Вильсону (министр обороны США) и Хэмфри (министр финансов), не разделяют те страхи, о которых они, повидимому, склонны говорить публично. Я думаю, что они больше озабочены теми экономическими осложнениями, которые вызваны их экономической политикой».

Шумиха же об «угрозе» атомного нападения, указывает далее Баргерон, используется как удобная ширма для прикрытия отступления правящей республиканской партии от обещанной ею в пылу предвыборной борьбы политики «сбалансированного бюджета» и для оправдания роста ассигнований на военные нужды.

Другой журнал деловых кругов, «Бизнес уик», в номере от 10 октября занялся подробным подсчетом выгод, которые могут извлечь американские бизнесмены из разжигания шумихи об атомной «угрозе». Упомянув, что «за закрытыми дверями ведется много тревожных разговоров относительно депрессии», журнал откровенно пишет: «Значение атомной и водородной бомб для бизнеса становится более ясным... Изменения в программе вооружений уже очевидны... Идут разговоры о том, что в начале будущего года правительство попросит дополнительных ассигнований в размере полумиллиарда долларов для того, чтобы ускорить создание континентальной обороны».

Так бы сразу и сказали, господа! А то «угроза с Востока», «русская опасность»!.. Просто боитесь за свои прибыли, хотите набить карманы потуже. А для этого пугаете население, чтобы «подготовить» налогоплательщиков к новым колоссальным тратам на военные нужды.

В. ТОЛСТИКОВ

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ЛАГЕРЕ, ОХРАНЯЕМОМ ИНДИЙСКИМИ ВОЙСКАМИ

Вот уже две недели, как началась разъяснительная работа среди корейских и китайских военнопленных, переданных под контроль нейтральной комиссии по репатриации. И все эти дни лисынмановские и чанкайшистские тайные агенты, засланные в лагерь, охраняемый индийскими войсками, под видом военнопленных, срывают по указке американцев эту работу. За последнюю неделю она совершенно не проводилась. Гоминдановские и лисынмановские головорезы усиливают террор против тех, кто желает репатриироваться, силою удерживают пленных в секторах, мешают им присутствовать на разъяснительных беседах. Это те же самые агенты, которые забрасывались американцами в лагери военнопленных на Кочжедо, Чечжудо, в Пусане и других местах. Это те же методы чудовищного насилия, запугивания и убийств, которые военнопленные испытывали на себе на протяжении двух, а то и трех лет.

Как подчеркивалось в сообщении агентства Синьхуа из Кэсона от 22 октября, командование индийских охранных войск не предпринимает никаких эффективных мер, чтобы помешать этим тайным агентам срывать разъяснительную работу.

Наш корреспондент беседовал в последние дни с корейскими военнопленными, которые с риском для жизни сумели вырваться из лап лисынмановских бандитов и их американских покровителей. Рассказы этих людей проливают яркий свет на то, что происходит в лагере для пленных, не подлежащих непосредственной репатриации.

— Меня снова согревает солнце родины,—говорит Ким Чже Рак.— Порой мне кажется, что я очнулся от долгого кошмарного сна. Но я хорошо знаю — это не сон, это была страшная действительность.

До войны я работал плотником на Хыннамском химическом комбинате. В плен попал в конце 1950 года, будучи тяжело раненным. Три года мучился на Кочжедо. Раньше я никогда даже не предполагал, что человек обладает такой колоссальной жизненной силой. Но именно благодаря ей я остался жив, перенес невероятнейшие пытки, муки и лишения, страдания физические и душевные.

Когда до нас дошла весть о заключении перемирия, люди, замученные до полусмерти, плакали от радости. Нам казалось, что, наконец, путь к освобождению открыт.

Вскоре после подписания перемирия в лагерь пришел лисынмановский офицер. То, что мы услышали от него, и все, последовавшее за этим, опрокинуло наши надежды на скорое возвращение домой.

Лисынмановец заявил, что в ближайшее время нас перевезут в демилитаризованную зону, где передадут под охрану индийских войск. Но мы не должны тешить себя надеждой на возвращение домой, ибо лагерь в демилитаризованной зоне оцеплен войсками США, и любой из нас, изъявивший желание репатриироваться, все равно попадет в руки к американцам, его вновь вернут на Кочжедо, и тогда пусть не ждет пощады.

Лисынмановец подробно «объяснил» нам, как вести себя в лагере. Всех нас разобьют на группы по пять человек, нам запрещается лично обращаться к индийским военнослужащим. При необходимости мы можем делать это только через старшего группы, назначенного лисынмановцами. Затем он сообщил, что в лагере, куда нас переведут, с нами будут беседовать члены «коммунистических разъяснительных групп». Но мы не должны верить ни одному их слову, ибо все это «ложь» и «пропаганда красных».

Среди нас будет большое число членов «Союза антикоммунистов»*, и мы должны поддерживать их действия по изгнанию «коммунистов» из лагеря, находящегося под индийской охраной. Больше того, лисынмановец прямо заявил, что мы должны избивать членов разъяснительных групп и даже убивать их — условия перемирия, мол, не запрещают этого. Те, кто будет так поступать, получат большое вознаграждение от командования ООН.

После его выступления нам показали пьесу, в которой инсценировался образ жизни в лагере демилитаризованной зоны. Вначале на сцене «военнопленные» избили до полусмерти своего товарища, который заявил, что хочет репатриироваться. Затем актеры, изображавшие военнопленных, усиленно избивали и забрасывали камнями членов «разъяснительных групп», при этом было объявлено, что убито несколько «коммунистов». В конце постановки была показана сценка работы «нейтральной комиссии». Перед нею один за другим проходили «военнопленные» и заявляли о своем намерении остаться в Южной Корее.

После этой инсценировки вновь выступил лисынмановец и сказал, что мы должны вести себя так, как это делали актеры. Он добавил, что поедет вместе с нами, и если среди нас окажутся «предатели», то он не пощадит никого.

Вскоре после его ухода лисынмановский охранник на моих глазах застрелил военнопленного, заявившего о своем желании вернуться в Северную Корею.

Перед отправкой с Кочжедо среди нас появилось много незнакомых людей в одежде военнопленных. В то же время нас разбили на группы по пять человек, в каждую группу входил один или двое из этих людей. Их назначили старшими. все они имели по нескольку ножей...

9 сентября мы выехали с Кочжедо и 10-го прибыли в демилитаризованную зону. Здесь старший нашей группы объявил, что впредь все мы должны беспрекословно выполнять его приказания.

Перед тем, как войти в лагерь, он приказал всем нам вооружиться камнями. Затем предупредил, что когда мы будем проходить мимо представителей корейской Народной армии и китайских народных добровольцев, то должны бросать в них камнями и громко ругать их.

Я камней не взял и, когда мы проходили мимо наших корейских офицеров, хотел броситься к ним и просить спасти из этого ада. Но мне не удалось этого сделать, я понял, что, пока добегу до них, меня убьют.

Сразу же ко мне подскочил лисынмановец из нашей группы и спросил, почему я не бросал камни и не кричал. Я ответил, что хочу репатриироваться на Север. Он бросился на меня с ножом, я отскочил и побежал в сторону индийской охраны, призывая на помощь. За мной с ножами в руках погнались сразу трое лисынмановских агентов, но не догнали, ко мне уже спешили несколько индийских солдат и один из офицеров Народной армии. Я попросил репатриировать меня домой.

Меня отвезли в лагерь, где уже было восемь человек таких, как я. Нас привели в Паньмыньчжонь и передали представителям корейской Народной армии.

Рассказ Ким Чже Рака дополняют другие пленные, возвращенные на родину.

Вот Хан Сан Ге. В начале войны он был председателем крестьянского союза волости Тура, уезда Синчон, провинции Хванхэ (в районе тридцать восьмой параллели). Он не успел эвакуироваться и был захвачен интервентами. В нарушение элементарных норм международного права его — гражданского человека — американцы отправили в лагерь для военнопленных на остров Кочжедо.

В апреле прошлого года Хан Сан Ге шесть дней подряд пытали электрическим током и избивали в американском штабе на Кочжедо за то, что он заявил о своем желании репатриироваться. Ему нанесли тогда несколько тяжелых ножевых ран. Хан Сан Ге, засучив рукава гимнастерки, показал нам свои руки — мы увидели ниже локтей глубокие шрамы.

После пыток его отправили в лагерь «нежелающих репатриироваться», предупредив, что если он заикнется о желании вернуться домой, то немедленно будет убит.

— Во время лисынмановской провокации 18 июня*, — рассказывает Хан Сан Ге, — я находился в одном из лагерей для военнопленных в городе Нонсане. Всего нас было около пятисот человек. С наступлением темноты лисынмановские и американские охранники объявили, что мы свободны и должны как можно быстрее покинуть лагерь. Однако военнопленные поняли, что эти изверги затеяли что-то недоброе, желающих покинуть лагерь оказалось очень мало. Тогда охранники силой начали выгонять нас. Пленные стали разбегаться. Я залез в пустую бочку.

В полночь прибыло много американских солдат, они обстреляли территорию лагеря. Я видел, как во время этого обстрела было убито несколько военнопленных...

Рано утром тех, кто остался в лагере и уцелел после обстрела, отправили в Пусан, где я пробыл до передачи нас индийским войскам. Американцы и лисынмановцы все время вели среди нас бешеную кампанию лжи и клеветы против нашей родины.

Все военнопленные были разбиты на батальоны, в каждый из которых было включено до пятидесяти лисынмановских агентов. В один из последних дней пребывания в Пусанском лагере перед нами выступил американский офицер. Он объявил, что все мы будем переданы под охрану индийских войск, и добавил, что если кто-нибудь изъявит желание вернуться на Север, то будет убит членами «Союза антикоммунистов».

Американец предупредил, что нам нечего надеяться на нейтральность индийских войск. «Все, о чем вы будете говорить с представителями индийских войск,— заявил офицер,— будет нам известно». Поэтому, когда нас передали под охрану индийских войск, мы отнеслись к ним подозрительно, хотя они встретили пленных очень хорошо. Индийский офицер сказал мне, что я могу честно и открыто выразить свою волю и не бояться его. Однако я опасался довериться ему. Мои опасения усилились после того, как я увидел, что индийские солдаты помогают лисынмановским агентам развешивать на территории лагеря плакаты, призывающие к отказу от репатриации. Позднее я понял, что эти солдаты, повидимому, не знали корейского языка и считали, что они помогают настоящим военнопленным выразить их чувства. Но у военнопленных эти действия индийских солдат усиливали чувство недоверия, боязнь честно сказать о своем горячем желании вернуться домой.

Днем лагерь усиленно охранялся солдатами индийских войск. Однако по ночам лагерная жизнь полностью подпадает под контроль лисынмановских агентов. Они открыто собираются большими группами и устраивают судилища, на которые вызывали любого военнопленного, заподозренного в намерении вернуться домой. Бандиты учиняли расправы над военнопленными, избивали их и даже убивали, а тела закапывали. Я не видел выхода, не знал, кому и как сказать о своем намерении репатриироваться. Наконец, решил притвориться больным и поговорить с индийским врачом. Это мне удалось. Врач знал японский язык, и я объяснил ему по-японски, что не болен и очень прошу его помочь репатриироваться домой. Он отнесся ко мне очень хорошо, вызвал санитарную машину, на которой меня доставили в штаб индийских войск. Здесь индийский офицер, с которым я беседовал, внимательно выслушал меня и приказал увезти в другой лагерь. Там я встретил несколько пленных, которым, как и мне, удалось вырваться. 1 октября нас передали представителям корейской Народной армии.

Затем Хан Сан Ге добавляет:

— Проклятые интервенты превратили Южную Корею в край голода, разрухи и нищеты. Мне довелось видеть, до какой ужасной бедности доведено там население. Я видел на улицах трупы умерших с голоду людей. На всех железнодорожных станциях бродят огромные толпы нищих. Слезы навертывались на глаза, когда до крайности истощенные маленькие дети просили у нас, пленных, подаяния. Население Южной Кореи одето в лохмотья, люди бродят, как тени, в поисках чего-либо съедобного.

Бывший военнопленный Чан Сын Квон, с которым нам также удалось побеседовать, был доставлен из Нонсанского лагеря в демилитаризованную зону 10 сентября.

— За пять дней до отъезда в демилитаризованную зону, — рассказывает он,—всех нас снабдили большим количеством различных клеветнических брошюр и листовок. Американский офицер заявил нам, что мы должны избивать и убивать «коммунистов», которые будут вести среди нас разъяснительную работу, а также тех военнопленных, которые попытаются перейти в Северную Корею или будут уговаривать других сделать это.

В демилитаризованной зоне, где мы были под охраной индийских войск, за каждым нашим шагом следили лисынмановские агенты. Меня направили работать в больницу. Там я подружился с четырьмя пленными — больными, вместе мы обсуждали план возвращения домой. Каждый день я рассказывал им, что происходит в лагере, кому и как удалось вырваться из этого ада. В больнице мне удалось связаться с индийской администрацией. Я заявил, что хочу вернуться домой. После этого меня привезли в Паньмыньчжонь и передали нашим представителям.

ПХЕНЬЯН, 26 октября.
(По телеграфу).

* То есть тайных лисынмановских агентов, действующих под видом военнопленных. **(Ред).**

* В этот день лисынмановцы по указке американцев, инсценировав «массовое бегство» военнопленных, угнали из лагерей 27 тысяч человек. **(Ред).**

Вот в каком состоянии был передан американцами китайско-корейской стороне воин корейской Народной армии Ким Шин Вон. Когда Ким Шин Вон находился в заключении в американском лагере для военнопленных в Масане, ему вырвали глаза за то, что он требовал репатриации.

Снимок из французской газеты «Юманите»

По страницам печати

«Ромыния либера» — Румыния; **«Жице Варшавы»** — Польша.

МОЛОДОЙ ДИРИЖЕР

Бедное село Ульмень в Добрудже, крестьяне, измученные пелагрой и другими болезнями, босые, оборванные, рахитичные ребятишки — таковы воспоминания детства Николая Чобану. И еще запомнились заунывные песни, дойны, в которых все же звучала надежда на лучшее будущее.

«Не было у меня радости в детстве, не знал я детских игр, —вспоминает на страницах **«Ромыния либера»** Николай Чобану, ныне известный румынский дирижер.— **Единственной радостью были для меня дойны, народные песни, с которыми девушки возвращались с поля. Они пели о любимом, которого забрали в королевское войско, о героях-гайдуках, боровшихся против турецкого ига».**

Работая у кулаков то в одном, то в другом селе, Николай Чобану встретил как-то старого пастуха деда Николая. Их скоро сблизила общая любовь к народным песням. Старый пастух знал множество легенд, которые рассказывал вперемежку с песнями, аккомпанируя себе на самодельной скрипке. Дед Николай и был первым учителем будущего дирижера, который начал играть на скрипке старика.

«Подрос Николай, — рассказывает газета, — **и где бы он ни работал, по вечерам батраки и бедные крестьяне просили его:**

— Ну-ка, сыграй, рассей тоску!

Тогда-то и загорелось в нем желание по-настоящему изучить музыку. Он видел, как воодушевляет она людей. Но осуществить свою мечту Чобану смог лишь после того, как Советская Армия освободила его многострадальную родину».

Когда в Бухаресте открылась рабочая консерватория, туда в числе других одаренных молодых тружеников поступил и Николай Чобану. Уже спустя два года консерватория направила его в оркестр Генеральной конфедерации труда.

«И вот, — пишет «Ромыния либера»,— **наступил большой день в жизни Николая Чобану. В Калане перед двумя тысячами металлургов он впервые дирижировал хором с оркестром ансамбля Генеральной конфедерации труда. С того дня Чобану стал вторым дирижером ансамбля. В 1952 году молодой дирижер организовал хор из студентов Университета им. К. Пархона. Николай Чобану продолжает учиться и сейчас».**

АНГЛИЙСКИЙ СТУДЕНТ О ВАРШАВЕ

Как известно, не так давно в Варшаве состоялся 3-й Всемирный конгресс Демократического союза студентов. Делегаты конгресса, представлявшие студенческую молодежь более чем ста стран мира, в течение недели пользовались гостеприимством варшавян. Они знакомились с достопримечательностями польской столицы, посещали театры, музеи, Дома культуры, встречались с трудящимися города.

Перед отъездом домой многие делегаты конгресса опубликовали в варшавских газетах статьи, в которых делились впечатлениями о столице народной Польши.

Вот что писал в газете «Жице Варшавы» представитель студенчества Англии Вернон Хэйл:

«Я привык к мрачным улицам городов Англии — наследию капиталистического эгоизма и себялюбия. Лучи солнца не доходят до стен лондонских домов. Докеры лишены возможности любоваться деревьями и цветами из узких окон своих жилищ. А вы широко раскрыли свои улицы и площади навстречу свежему ветру. Дети бегают в ваших новых чудесных парках и возвращаются не в темноту, а в благоустроенные дома, полные света и воздуха».

Вернон Хэйл пишет далее, что был потрясен Домом культуры в районе Мирув. Здесь книги, искусство и музыка являются собственностью народа. Молодежь читает книги английских писателей.

«Это значит, — подчеркивает Хэйл,— **что вы интересуетесь культурой моей страны. В Англии часто говорят, что в библиотеках стран народной демократии нет книг писателей Западной Европы. Однако часы, проведенные мной в варшавских библиотеках и книжных магазинах, убедили меня в том, что это неправда. Здесь очень часто можно встретиться как с Шекспиром, так и с Бальзаком, Гёте и другими классиками и современными писателями различных стран мира...**

Все, что я видел в вашей столице, вся Варшава олицетворяет собой мир».

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03843.